

**АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ВЫШЕСЛАВЦЕВ**

**ОЧЕРКИ
ИЗ КРУГОСВЕТНОГО
ПЛАВАНИЯ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В95

Вышеславцев, А. В.

В95 Очерки из кругосветного плавания / А.В. Вышеславцев. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 292 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77164-6

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77164-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

С МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Вот я и на мысе Доброй Надежды. Далеко, далеко от вас!.. Смотрю на карту, и то кажется далеко! мир совсем другой, как будто я переехал жить на луну. Слышу о львах, слонах и тиграх, а наших страшных зверей, волков и медведей, и в помине нет; вижу черных, коричневых и разных цветных людей; в лавках страусовые, перья и разные невиданные вещи; палку купил из шкуры носорога. Смотрю на север — там солнце, что составляет предмет какого-то недоверчивого удивления для наших молодых матросов; в мае здесь начинается зима, в декабре — лето... Несмотря на все это, я провожу здесь время очень приятно. Неделю прожил в Кейптауне, лазил на Столовую гору, посетил пленного кафрского предводителя, который поцеловал у меня руку. Гуляю почти целый день; то собираю раковины по морскому берегу, то взбираюсь на горы; рисую, вспоминаю вас и все наше, мечтаю, чуть стихов не пишу... Только прозой писать не хочется; должно быть, здешний климат располагает к другой деятельности — неписьменной. Но делать нечего; для вас это не отговорка. Надо писать; уверяют, что после самому будет приятно. Однако пре-

дисловие необходимо, так как уговор, говорят, лучше денег. Состояние путешествующего вообще можно назвать болезненным, по крайней мере не нормальным состоянием; а путешествующий морем, на военном пароходе, не зависящий от себя, в особенности может рассчитывать на права больного; то есть позволять себе всевозможные отступления, ссылки, капризы, выдавать наскоро собранные наблюдения и заметки за факты, собирать сведения по сплетням и пр. и пр.

Войдите в его положение: три, четыре, пять недель в море; наконец брошен якорь, и все спешат на берег: увидеть, узнать, сравнить. Иногда какое-нибудь явление поглощает все ваше внимание; но вы торопитесь пройти мимо, чтоб успеть увидеть другое, может быть, еще более важное. А в это время торопят отходом и собиратель сведений и впечатлений часто уезжает, совершенно сбитый с толку.

Буду рассказывать вам о том, что видел и слышал; но вы можете уличать меня в покраже: иногда я буду приводить чужие мнения и чужие наблюдения; на это я имею полное право. Думаю не без основания, что и все туристы пользуются этим правом, хотя умалчивают об этом.

В конце ноября, после прощального бала, данного нами, моряками, оставили мы Шербург. Я начинаю мое письмо с Шербурга, потому что до него доехали мы совершенно благополучно и говорить о дороге от Кронштадта до Шербурга совершенно нечего. Описывать свои ощущения и чувства при отплытии от «родимых берегов» в путь кругом света, кажется, лишнее; эти ощущение

ния и чувствования берегутся для себя; тем более, что они никому другому и не нужны. На Балтийском море и его берегах я видел, правда, много любопытного, между прочим, в Копенгагене музей Торвальдсена; но так как в Копенгаген легко всякому съездить, то я ничего не скажу вам и о знаменитом музее. Из Шербурга мы вступили прямо в океан.

Океан принял вас недружелюбно и оттрепал один корвет так, что он должен был зайти в Брест для починки, под конвоем другого корвета. Мы заплатились одним вельботом, который у нас разбило. Отделившись от эскадры, мы пошли было в Кадис, но противные ветры оттерли нас от испанских берегов, и в одно прекрасное утро мы увидали себя втрое ближе к острову Мадере, нежели к Испании, и с попутным ветром поплыли к Мадере. На 19-й день бросили якорь в Фунчәне (главный порт на Мадере). Здесь мы простояли шесть дней; я каждый день ездил верхом по острову, где в первый раз видел тропическую природу, по крайней мере близкую к тропической: апельсинные рощи с своими золотыми плодами, широколиственные бананы, пальмы, драконники, кактусы — все зеленело и украшало и дикие ущелья, и роскошные склоны гор, и белеющие на них дачи, церкви и монастыри. Спешу заметить, что знаменитый остров Мадера, обязанный своею славою вину, скоро будет славен только по преданию: в 1852 году здесь погиб весь виноград, и на землях, которые он занимал, заведены плантации сахарного тростника. Мадера, следовательно, кончилась! Оставшаяся в здешних погребах про-

дается только по случаю, и потому вы в Европе мадеры больше пить не будете; да, вероятно, никогда и не пили, потому что между настоящею мадерой и тою, которую продают в Петербурге, даже в двух-трех лучших погребках, нет ничего общего. В нашей мадере есть спирт, и сами винопродавцы уверяют, что он необходим для сохранения вина, что будто без подбавки спирта и не вывозят вина с острова Мадеры, Тенерифе и из Оporto; но все это их собственное сочинение — здесь не подбавляют спирта ни капли, и вообще мадеры вывозимо было очень мало. Нас угощали шестидесятилетней мадерой, 1798 года; на пробке ее образовались кристаллы... можете вообразить, как она была хороша!

На Мадере мы были на балу, на двух обедах и сами задали обед, на котором пропели наши песельники для здешних дам несколько таких песен, которых никогда не слышали дамы русские. Наша молодежь забавлялась своею шалостью; а «доньи» были в восхищении от русской мелодии. Фруктами здесь можно объесться; апельсины, бананы, танжерини, гуавы превосходны; но выше всех — «анон», зеленого цвета плод, род фиго или апельсина; когда его разрежешь, внутри находится белое сочное мясо, которое ешь ложечкою, как превосходное мороженое; все эти плоды земные запивали мы настоящею мадерой и мальвазией¹. В городе ездят на волах и на полозьях — что город, то норы! Впрочем, для поездки за город всегда готовы отличные лошади, с проводниками, которые бегут за вами, куда бы вы ни

¹ Мальвазия — сладкая мадера.

поехали. Я в один день изъездил 40 верст, по горам и ущельям, и мой проводник не только не отставал от меня, но иногда забегал вперед, желая выиграть время и сократить себе дорогу.

С сожалением оставили мы гостеприимный и роскошный остров и на третий день пришли к Тенерифу, где стали на рейде в Сан-Круце. Этот остров далеко не Мадера, природа здесь дика и мрачна. Зато город наполнен испанками, которые для охотников легко могут заменить и роскошную природу Мадеры и даже вино ее. Здесь настоящие, классические испанки, какими мы воображаем их по романам, песням и драмам; расхаживают по улицам закутанные в черные мантильи, с дуэньями, играют с своими веерами или смотрят в форточки и с балконов, блистая действительно чудными глазами, так что невольно приходит на память и «Дон-Жуан» Пушкина и знаменитый романс

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как белый день!..

Испанцы все в длинных плащах (т. е. во фланелевых одеялах), на улицах дромадеры — настоящий Восток! Вообще арабы оставили много в наследие испанцам, начиная с нравственных и физических качеств до мелких обычаев, костюма, построек и проч.— несравненно больше, нежели у нас татары. Любопытно было бы проследить, привести в известность и оценить эти остатки и их последствия, как у них, так и у нас.

В городе нас пригласили в маскарад, который был очень хорош, богат разнообразными костюмами и для нас замечателен тем, что мы встретили там такую красавицу, какой никто из нас никогда не видывал; ее звали Изабелита... К счастью, на другой день мы уплыли и забыли ее, увидав Тенерифский пик в то время, как мы уже далеко отошли от города и стали огибать остров. Трудно найти что-нибудь величественнее этой картины. Конусообразная вершина пика выходит из-за облаков, опоясывающих остров, и там, в вышине, видны долины, и скалы, и ущелья, как будто писанные самыми нежными, прозрачными красками, и голубые тени смягчены общим розовым тоном. Смотря на эту громаду, чувствуешь какое-то благоговение, как будто вступил в храм...

Расстояние от Тенерифа до Сан-Яго (остров Зеленого Мыса) мы прошли в трое с половиною суток — 1600 верст, недурно! Иногда проходили по 22 версты в час. Что за удовольствие мчаться на всех парусах среди бесконечного океана, оставляя за собою след кипящих волн! На Сан-Яго, в Порто-Прае, нас заперли, против всякого ожидания, в карантин, где мы встретили 1 корвет и 2 клипера нашей эскадры, которые, никуда не заходя, пришли прямо сюда и сильно скучали, в то время как мы гуляли на Мадере и Тенерифе. В Порто-Прае пришлось нам встретить свой Новый год. К нам съехались ночью, тайком, гости с других судов, и мы, назло карантину, задали пир горой; в 12 часов, 1858 года, пустили ракету и криками смутили спящий город; нако-

нец, гостей к утру развезли и, снявшись с якоря, расклянялись с карантинном и городом.

Затем целые двадцать три дня были в мы море; натерпелись всего, как капитан Копейкин, и жаров, и штилей, и гроз, и дождей; и в то время как вы мерзли в шубах, мы не знали, куда деваться от жара.

18 января праздновали переход через экватор; всех вас окрестили, то есть облили водою; кто откупался, на того только брызгали, на других же ведро выливалось все, с головы.

25 января увидали остров Вознесения, где надо было простоять несколько дней, запастись кое-чем вновь и освежиться.

После двадцатипятидневного перехода все мы чувствовали усталость и какое-то расслабление, чему причиною была, конечно, духота в воздухе. Обливания, единственный способ купанья в море, при быстром ходе корабля помогают мало, потому что в воде столько же градусов, сколько и в воздухе. Не думайте однако, чтоб этот переход был вообще неприятен, однообразен, скучен — напротив! Сегодня ловим акулу и отпускаем ее, не умея сладить с беспокойным зверем; завтра становимся зрителями такой картины, увидав которую можно и умереть, потому что лучшего ничего не увидишь. Вдруг зажигается океан фосфорическим огнем, и мы плывем по огненным волнам или как будто по растопленной меди. Но налетит тропический шквал со всеми его принадлежностями — оплошному гибель, но сердце радуется, видя, как клипер начнет подбираться, будто живой, готовясь

к борьбе и защите. Иногда, среди темной ночи, шквал разрешается сильным дождем, и каждая капля выскакивает из взволнованной поверхности моря; оно кажется небом, подвижным и клокочущим, с бесчисленным множеством колеблющихся звезд. То разразится над нами гроза, и молния рассекает пол-неба, но гром и дождь не освежают воздуха, все та же духота. Иногда, в стороне, поднимется, точно стая воробьев над вишнями, стая летучих рыб, блестя на солнце лазоревыми и золотыми перьями; прокатится по неподвижной глади штилюющего моря моллюск, как лодочка, с сияющим радужными цветами парусом. Часто кружится над клипером бурная птица фрегат, рассекая воздух остроконечными крыльями. Вот на горизонте показались киты или проплыло целое стадо дельфинов, и их такое неисчислимое множество, что начало и конец стада теряются в отдалении; они играют, выскакивают из воды, брызгают хвостами, подвигаясь куда-то вперед; от этого громадного стада делается зыбь даже в океане.

Ночью, от нечего делать, проводишь целые часы, смотря на небо. Все новые созвездия и звезды как-то теплее сияют. Видите, сколько разнообразия на море!

Из Джорджтауна, на острове Вознесения, предстоял нам самый продолжительный переход, прямо до мыса Доброй Надежды; шли тридцать два дня безостановочно, соскучились крепко, и Саймонстаун, городок на мысе, показался нам удивительно приятным местом. По мере приближения нашего к твердой земле, когда до нее оставалось еще очень далеко, чаще стали показываться